

Ветер выл, жёлтый песок застилал небо.

Юноша уже не помнил, в который раз он поднимался с земли.

Сильное обезвоживание вызывало головокружение, колени и ладони были стёрты в кровь, подошвы ног покрылись огромными волдырями от раскалённого песка. Впереди, до самого горизонта, тянулись бескрайние песчаные дюны, над которыми колыхались потоки знойного воздуха. Ещё дальше, на линии горизонта, рождался песчаный шторм, с видимой скоростью набирая мощь и двигаясь к центру пустыни.

— Наставник... — Юноша, пошатываясь, сделал шаг вперёд, издав хриплый вопль.

— Подождите меня, подождите... Наставник!

Глухой стук — юноша снова рухнул на землю. Боль была почти невыносимой, сознание помутнело.

Неизвестно, сколько времени прошло, ветер выл всё яростнее, и наконец со стороны появилась человеческая тень, остановившаяся перед ним.

— ...Наставник... — Юноша из последних сил выдал униженную мольбу. — Не бросайте меня, умоляю, наставник...

Фигура стояла против света, лицо разглядеть было нельзя, лишь смутно угадывался стройный, прямой силуэт, закутанный в грубый плащ из белой холщовой ткани. Спустя мгновение наконец раздался голос:

— Кто тебе наставник.

Голос оказался на удивление молодым, с оттенком чего-то знакомого — безучастного и слегка безразличного.

Юноша в отчаянии замотал головой, издавая стон, похожий на предсмертный хрип загнанного в угол волчонка, и в последний раз протянул руку к этой тени.

Однако в следующий миг его окровавленную руку прижали к земле ногой. Резкая боль пронзила тело, юноша вскрикнул. Тут же его визави обнажил меч — с металлическим звоном лезвие вонзилось в песок в сантиметре от лица юноши!

— А-а!

Вопль юноши резко оборвался. Затем он увидел, как тот человек наклонился, и свет наконец высветил лицо — прекрасное, как у девушки, безусловно красивое.

Юноша хрипло прошептал:

— Наставник...

Но человек поднял указательный палец, простым жестом призывая к тишине, и прервал его. Затем он начал медленно поворачивать клинок, пока холодная сталь не отразила лицо юноши, испачканное кровью и слезами, жалкое и потерянное.

— Люди Цзинь говорили, что в созвездиях Бойца и Быка часто видно пурпурное сияние — это аура двух мечей, достигающая небес. Один зовётся Тайэ, другой — Лунъюань...

Человек выдернул меч из песка и указал им на лежащего юношу. Под палящим солнцем уголки его губ дрогнули в насмешливом подобии улыбки:

— Тот, кто сегодня убьёт тебя здесь, — Лунъюань.

Зрачки юноши резко сузились. В следующий миг он увидел, как клинок устремляется вниз, леденящая убийственная аура достигла его лица, и он не смог сдержать крик:

— А-а-а!

— А-а-а!

Дань Чао сел на кровати, его грудь тяжело вздымалась. Лишь спустя некоторое время напряжение в мышцах постепенно отпустило.

Лунный свет проникал сквозь деревянное окно, освещая его обнажённую мускулистую спину и короткие волосы, мокрые от пота, и отбрасывал тень на серый каменный пол кельи. Кругом царил тишина, лишь с заднего двора храма доносилось стрекотание насекомых, то длинное, то короткое, да журчание ручья в конце лета. Больше в ночной тиши не было слышно ни звука.

Снова этот сон.

Дань Чао, тяжело дыша, обернулся и, как и ожидал, увидел, что опёртый у ложа меч Лунъюань слегка вибрирует, словно жажда вырваться из ножен.

С тех пор как два года назад Дань Чао прибыл в храм Цыэнь, ему часто снились похожие сны. Во сне он оказывался в приграничной пустыне, жил с молодым человеком, чьё лицо часто было неразличимо, но которого он называл наставником. Иногда они тренировались в боевых искусствах, иногда охотились, иногда проделывали долгий путь через бескрайние пески, ведя верблюдов. Но чаще всего повторялась одна сцена: он, стоя на коленях у ног того молодого человека, умолял, но всё было напрасно, и в конце концов меч обрушивался на него сверху.

Кто был тот молодой человек?

Дань Чао никак не мог вспомнить.

Его память начиналась с того момента два года назад, когда он, всего в крови, упал у задних ворот храма Цыэнь, и наставник Чжиюань оказал ему помощь, приняв в ученики. Позже наставник Чжиюань рассказал, что монахи, обнаружив его, увидели, что он весь в жёлтом песке, израненный, и в руке крепко сжимает ценный меч в ножнах из кожи белой акулы.

— Цисин Лунъюань.

А все события до того превратились в разрозненные обрывки, которые, словно проклятие, возникали каждую ночь, повторяясь по кругу без конца.

Дань Чао тяжело вздохнул, протянул руку и прижал Лунъюань. Спустя мгновение печальный звон меча постепенно затих в его широкой сильной ладони.

За окном ярко светила луна, редкие звёзды мерцали в глубокой ночи. Дань Чао уже не мог заснуть, поэтому накинул чёрную монашескую робу, вышел из кельи и неспешно зашагал по дорожке. Уединённая тропинка, укрытая цветами и деревьями, вела к величественному храму, освещённому луной. Ещё дальше, в кварталах Чанъяня, давно уже закрылись ворота, с длинных

улиц доносились отдалённые крики ночных сторожей.

В ночном небе созвездие Большой Медведицы, подобно семи звёздам на клинке Лунъюаня, излучало слабое сияние.

Дань Чао закрыл глаза, и в его сознании это сияние постепенно превратилось в жёлтый песок, палящее солнце, белоснежное лезвие и ту нежную, жестокую, девичью улыбку.

— Кто же был тот человек из сна?

* * *

В то же самое время, в столице Чанъань, в резиденции заместителя начальника Императорской канцелярии.

Прекрасная певица-танцовщица закончила свой танец и склонилась к земле, длинные водяные рукава её наряда опустились, словно слои лепестков. Вокруг тут же раздались аплодисменты:

— Bravo!

Хотя уже приближалась третья стража ночи, пиршество было в разгаре — изысканные яства, прекрасное вино, тосты следовали один за другим. Украшенные шёлковыми цветами и птицами деревья переливались всеми цветами в свете фонарей, а грациозно поднявшаяся танцовщица напоминала самый роскошный, самый нежный пион в саду.

Заместитель начальника Императорской канцелярии Юй Чжуннин с улыбкой поднялся и жестом указал служанке преподнести танцовщице чашу отборного вина со своего стола. Затем он повернулся к почётному гостю во главе стола и, сияя улыбкой, произнёс:

— Командир Се... Эту девушку зовут Люйяо, она приёмная дочь одного из членов моей семьи. Хотя с детства её внешность была невзрачной, ей всё же довелось поучиться музыке и танцам.

Он сделал паузу, взглянул на молодого человека во главе стола — тот по-прежнему сохранял лёгкую улыбку, без тени неудовольствия, и Юй Чжуннин внутренне расслабился:

— Эта девушка давно восхищалась славой молодого командира Се и потому осмелилась продемонстрировать своё искусство. Если оно хоть немного удостоится вашего внимания, то сегодня я решусь предложить ей преподнести вам эту чашу дочернего вина, выдержанного восемнадцать лет. Осмелюсь спросить, согласитесь ли вы оказать ей такую честь?

Гости за столом захлопали в ладоши, раздался весёлый смех, атмосфера стала ещё более оживлённой.

Молодой человек во главе стола, казалось, тоже нашёл это забавным и неспешно произнёс:

— В южных краях есть прекрасная дева, лёгкой поступью танцующая Люйяо... Редкостно.

Голос его был очень приятным, и даже в этой шумной обстановке он обладал проникающей, затрагивающей душу мелодичностью.

Люйяо встрепенулась, услышав, как он продолжает:

— Подними голову.

Люйяо медленно подняла голову.

В её сердце должно было бы возникнуть смятение чувств, но первым, самым непосредственным впечатлением стало: какой же красавец.

Се Юнь, командир дворцовой стражи, о котором ходили слухи, будто у него три головы, шесть рук и синее лицо с клыками, оказался совершенно не таким, каким его все представляли.

На нём был парчовый халат с серебряной вышивкой по краям, подпоясанный нефритовым поясом, на ногах — белые сапоги. Хотя он и полулежал в небрежной позе за столиком, всё же можно было разглядеть стройный стан, широкие плечи, длинные ноги — осанка и манера держаться разительно отличались от других чиновников за столом.

Единственное, что совпадало со слухами, — на его лице действительно была изящная серебряная маска, скрывающая большую часть лица, включая глаза и брови. Но даже так изящные, гармонично изогнутые тонкие губы под прямым носом, белоснежная и утончённая шея невольно вызывали в сердце бесконечную симпатию.

В душе Люйяо что-то ёкнуло. Она всегда знала, насколько прекрасна её внешность. Эта красота была для неё как лук за спиной генерала или меч в руке мастера — неодолимое оружие, помогающее достичь любой цели.

Но сейчас она вдруг усомнилась во всём, что задумала и запланировала на этот вечер.

В момент, когда она увидела эту улыбку, откуда-то возникло беспокойство, схватившее её за сердце.

— Девушка и вправду бесподобна.

Се Юнь, казалось, ничего не замечал и даже похвалил Люйяо, обращаясь к Юй Чжуннину. Тот поспешил ответить:

— Куда уж мне, куда уж, — и добавил, — попасть в поле зрения командира — великое счастье для этой девицы.

Обменявшись ещё несколькими фразами, Се Юнь снова повернулся к Люйяо и на этот раз просто махнул рукой:

— Подойди.

Эти два коротких слова не несли ни намёка на флирт или фамильярность, даже тени волнения от близости женщины. Если прислушаться, в интонации сквозила полная непринуждённость.

Люйяо слегка прикусила губу. С чашей вина в руках она поднялась и направилась вперёд, но в этот миг в её душе бушевали тысячи мыслей, и наконец она приняла решение.

На пути от павильона на воде к пиршественному столу нужно было подняться на три ступеньки. На первой ступеньке она грациозно оступилась, и тончайшая, как крылья цикады, шаль соскользнула с её плеча, обнажив большую часть белоснежной кожи от шеи до спины. На второй ступеньке её золотая шпилька выпала, и чёрные, как смоль, волосы рассыпались по плечам, заставив её всю будто сиять в свете фонарей. На третьей ступеньке она остановилась перед Се Юнем и, под звуки восхищённых и завистливых возгласов гостей, глубоко склонилась. Зелёный корсаж, расшитый золотом танцевальный наряд ещё сильнее подчёркивали изящные

очертания и белизну её груди.

Её глаза встретились с глазами Се Юня — соблазнительные, вызывающие и смелые:

— Ваш покорный слуга давно восхищается вами, господин. Увидеть вас сегодня — величайшая удача в трёх жизнях.

<http://bllate.org/book/15578/1387000>